

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук**

TERRA EURASICA:
к 60-летию академика Б. В. Базарова

Иркутск
Оттиск
2020

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т35

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»

Ответственные редакторы:

чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д-р ист. наук, проф. Л. В. Курас

Рецензенты:

д-р ист. наук А. М. Плеханова
д-р ист. наук, проф. В. Д. Дугаров
д-р ист. наук, проф. Е. И. Лиштованный

Т35 Terra Eurasica: к 60-летию академика Б. В. Базарова: Сборник научных статей / отв. ред. Н. Н. Крадин, Л. В. Курас. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. – 300 с.

В сборник включены статьи, подготовленные к 60-летию юбилею академика Б. В. Базарова. Рассматривается широкий круг проблем всемирной и отечественной истории, начиная от первобытной археологии до современных вопросов экономической интеграции на евразийском пространстве. Большое внимание уделено Байкальской Азии, истории Монголии.

Книга предназначена для историков, специалистов в области общественных и гуманитарных наук, а также всех интересующихся вопросами отечественной и всемирной истории.

ISBN 978-5-6045121-3-5

© ИМБТ СО РАН, 2020
© Б. В. Базаров, 2020
© Н. Н. Крадин, 2020
© Л. В. Курас, 2020

УДК 930
ББК 63.3

В. С. Христофоров, Ю. Н. Гусева

Монголо-буддийские сюжеты в «восточной» работе советских спецслужб в 1922–1934 гг.

Аннотация. В статье освещаются вопросы информационно-аналитической работы различных подразделений ГПУ-ОГПУ (прежде всего, Восточного, Иностранного и Информационного отделов) в 1922–1934 гг. в области сбора и интерпретации сведений о ситуации в Монголии и на сопредельных территориях (Бурятия и др.). Цель статьи – изучить процесс получения и интерпретации советскими спецслужбами информации о социально-политической обстановке в Монголии и на прилегающих территориях, а также о буддийской духовной традиции и ее влиянии на российско-монгольские отношения и ситуацию в приграничных зонах. В результате изучения значительного числа опубликованных и неопубликованных источников ведомственных архивов делается вывод о том, что у советских спецслужб имелись явные проблемы с выстраиванием единой системы сбора информации, в том числе ввиду кадрового дефицита и относительной второстепенности данного направления работы. В результате «монголоеды» ОГПУ были вынуждены во многом опираться на хорошо зарекомендовавшие себя в других «нерусских» регионах (Волго-Урал, Туркестан) конструкты, описывая происходившие социально-политические процессы по принципу аналогии. Производными дефицита полных и объективных сведений и подобного аналитического подхода становятся развернувшаяся в 1920-е годы борьба с «восточной национально-религиозной контрреволюцией», которая к началу 1930-х годов приобрела форму репрессий в отношении наиболее активных лидеров (прежде всего лам), обвинявшихся в шпионаже в пользу Японии и «панмонголизме».

Ключевые слова: ГПУ-ОГПУ, Восточный отдел, Иностраный отдел, Информационный отдел, Контрразведывательный отдел, Особый отдел, монголоведение, советские спецслужбы, Монголия, ламаизм, буддийское духовенство.

Введение

Актуальность статьи проистекает из необходимости изучения интерпретаций «Востока» в границах российского полити-

ческого пространства и сопредельных странах. В центре нашего исследования – деятельность ГПУ-ОГПУ (1922–1934) и его отделов (Восточного (ВО), Иностранного (ИНО), Информационного (ИНФО), Контрразведывательного (КРО), Особого отдела (ОО) и Специального (шифровальный), а также Полномочных представительств ОГПУ по Дальнему Востоку и Сибири в деле изучения ими политической, военной, социальной и религиозной обстановки в Монголии и на сопредельных территориях¹.

Цель статьи – изучить процесс получения и интерпретации советскими спецслужбами информации о Монголии и прилегающих территориях, а также о буддийской духовной традиции.

Основными задачами, которые мы постараемся решить в ходе исследования, будут следующие:

- рассмотреть организационную структуру подразделений ГПУ-ОГПУ, занимавшихся монголо-буддийской тематикой, их кадровые возможности;
- изучить процесс сбора информации по этим сюжетам;
- исследовать основные вопросы, касавшиеся Монголии, сопредельных территорий и бытования буддийской (ламаистской²) традиции, которые были в центре внимания ГПУ-ОГПУ;

¹ Как показывает анализ имеющихся документов, деятельность ОГПУ на этом направлении охватывала Монголию (в документах фигурировала как «Внешняя Монголия», в отличие от «Внутренней Монголии», принадлежавшей Китаю), Танну-Тувинскую Республику, Бурят-Монголию и Ойротию.

² Танну-Тувинская республика (1921–1926) – официальное название – Народная Республика Танну-Тува, с 1926 г. – Тувинская народная республика. Признана СССР в 1924 г., МНР – в 1926 г. В 1944 г. вошла в состав СССР как Тувинская автономная область в составе РСФСР. В 1961 г. преобразована в Тувинскую АССР в составе РСФСР, с 1992 г. Республика Тува, с 1993 г. – Республика Тыва.

³ Бурят-Монголия – национальное буферное государство бурят (1917–1920). Фактически прекратило свое существование после образования Дальневосточной республики (ДВР). В 1921 г. Бурят-Монголия разделилась пополам: 4 восточных района вошли в состав ДВР, 4 западных – в состав РСФСР. В январе 1922 г. образована Монголо-Бурятская автономная область в составе РСФСР (административный центр – Иркутск). 30 мая 1923 г. образована Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика (столица – Верхнеудинск, сейчас – Улан-Удэ). В 1958 г. переименована в Бурятскую АССР, с 1992 г. по настоящее время – Республика Бурятия.

⁴ Ойротия – административно-территориальная единица РСФСР, существовавшая с 1922 по 1948 гг. (административный центр – Улала (Ойрот-Тура). Выделена в 1922 г. из части Алтайской губернии. В 1937 г. включена в состав Алтайского края, позднее – Горно-Алтайская автономная область, Горно-Алтайская АССР. С 1992 г. по настоящее время – Республика Алтай.

⁵ Ламаизм – устаревшее наименование тибето-монгольской формы буддизма. Буддизм (ламаизм) в России стал закрепляться в XVII веке, был разрешен к исповеданию среди бурят указом императрицы Елизаветы в 1741 г. В настоящее время имеет последователей главным образом в Бурятии, Калмыкии и Туве. Буддийское духовенство России объединено Центральным духовным управлением буддистов

Историография вопроса

Приступая к изучению ориентального дискурса отечественных спецслужб (1922–1934), в том числе и по монголо-буддийскому вопросу, мы фактически вступаем на малоисследованное поле. Большая группа российских и иностранных монголоведов занимается историей Монголии XX века: в центре их внимания находятся сюжеты, связанные с революцией 1921 г. и признанием Монголии¹, различными научными экспедициями, снаряженными в Монголию и Тибет², восстанием 1932 г.³, историей панмонголизма⁴. Под научной редакцией директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН академика Б.В. Базарова изданы два обширных комплекса документов по истории Монголии: «Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946)» в 2 частях⁵ и «Монголия в документах Коминтерна (1919–1934)» также в двух частях⁶. Истории буддизма в Советской России/СССР и выдающемуся религиозному деятелю Агвану Доржиеву посвящены работы С.П. Ангаева, А.И. Андреева, А.В. Дамдинова, Ш.В. Чимитдоржиева, Ф.Л. Синицина и других⁷.

во главе с хамбо-ламой (резиденция в Иволгинском дацане Бурятии).

¹ Базаров Б.В. Становление независимости Монголии в XX веке // Власть. 2013. Т. 13. №6. С. 113–115; Болд Р. Независимость и признание Монголии. Монголия в треугольнике интересов: США – Россия – Китай, 1910–1973. М.: «Весь мир», 2015, 400 с.; Ширендыб Б. Народная революция в Монголии и образование Монгольской Народной Республики. 1921–1924. М.: АН СССР, 1956. 158 с.

² Майский И. М. Современная Монголия: Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительских обществ «Центросоюз». Иркутск: Гос. изд-во Иркутск. Отд., 1921. 472 с.; Рерих Н.К. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935)/сост., вступ. ст., коммент. О.В. Лавреновой. М.: Международный Центр Рерихов, 2015. 520 с.

³ Кузьмин С.Л., Оюунчимэг Ж. Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г. М.: ООО «Изд-во МБА», 2015. 212 с.

⁴ Базаров Б.В. Неизвестное из истории панмонголизма. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. 67 с.; История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.; Курас Л.В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2017. 188 с.; Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке. М.: ИВ РАН, 2001. 276 с.; Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921–1940 гг.). М.: ИВ РАН, 1999. 327 с.

⁵ Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сборник документов: в 2 ч./отв. ред. В.П. Козлов (Россия); Д. Улзийбаатор (Монголия); науч. ред. Б.В. Базаров. М. – Улан-Удэ: ИПК ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. Ч. 1. 349 с.; Ч. 2. 326 с.

⁶ Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1. (1919–1929)/Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.; Ч. 2. (1930–1934)/Науч. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 480 с.

⁷ Ангаев С.П. Буддизм в Бурятии и Агван Доржиев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1999. 138 с.; Андреев А.И. Агван Доржиев и судьбы буддийской религии в СССР // Реверс: Философско-религиозный и литературный альманах. СПб., 1992. С. 198–209; ЕГО ЖЕ. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России.

Менее изученными являются усилия советских спецслужб по реализации государственной политики в «монгольском» направлении. Среди авторов, пишущих об общих векторах «восточной» деятельности ГПУ-ОГПУ, следует, прежде всего, назвать Д. Ю. Арапова, Ю. Н. Гусеву и других¹. Однако, как свидетельствуют современные исследования, интересы сотрудников Восточного ОГПУ были существенно шире, чем «мусульманские» ареалы Советского Союза и государств зарубежного Востока².

Как мы отметили, публикаций о деятельности ГПУ-ОГПУ на восточном направлении немного, а научных работ, связанных с работой ОГПУ в Монголии и на сопредельных территориях, еще меньше. В основном они представлены узкотематическими научными статьями о деятельности советских спецслужб на Дальнем Востоке³, обзорами документальных материалов Центрального архива ФСБ России⁴ или некоторыми данными

СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та «Наранг», 2005. 464 с.; Дамдинов А. В., Чимитдоржиев Ш. В. Агван Доржиев – выдающийся религиозный и общественный деятель. Улан-Удэ: Элиги, 2010. 75 с.; Максимов К. Н. Репрессии против буддийского духовенства – носителей национальной идеологии и духовности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3 (56). С. 23–29. URL: [http://kaspy.asu.edu.ru/files/3 \(56\)/23–29. pdf](http://kaspy.asu.edu.ru/files/3%20(56)/23-29.pdf) (дата обращения 09.08.2020); Синицын Ф. Л. Красная буря: советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб.: Изд-во Терентьева и Фонда «Сохраним Тибет», 2013. 527 с.; Доржиев А. Судьба буддийской религии в СССР. URL: [agvan-dorziev-i-sudba-buddiskoi-religii-v-sssr? pd=3](http://agvan-dorziev-i-sudba-buddiskoi-religii-v-sssr?pd=3) (дата обращения 04.08.2020).

¹ Арапов Д. Ю., Косач Г. Г. Ислам и мусульмане по материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 год. М.; Нижний Новгород, 2007. 130 с.; Гусева Ю. Н. Восточное измерение деятельности ОГПУ: «Восток» между географией, знанием и политикой // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы X международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М., 2018. С. 434–446; ее же. Первые циркуляры Восточного отдела ОГПУ 1922–1923 гг.: советская контрразведка и «восточный» вектор российской политики // Отечественные архивы. 2018. № 2. С. 56–61; Ислам и советское государство. Вып. 1 (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.). М., 2010. 152 с.; Карташов А. А. Восточное направление в деятельности ВЧК-ОГПУ // ВЧК (1917–1922): к столетию создания/Сборник статей и документов. М., 2017. С. 349–364; Христофоров В. С. Советские спецслужбы открывают Восток. М.: РГГУ, 2019. 300 с.

² Гусева Ю. Н. Восточное измерение деятельности ОГПУ: «Восток» между географией, знанием и политикой. С. 434–446.

³ Егоров Н. А., Цыбин А. Ю. Белоземлианские организации на Дальнем Востоке в 20–30-е гг. XX в. и деятельность советских спецслужб // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 77–88.

⁴ Христофоров В. С. Материалы Центрального архива ФСБ России о Монгольской Народной Республике начала 1920-х годов/Вестник Бурятского науч. центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2012. № 4. С. 56–68; его же. Документы архивов ФСБ России по истории Монголии/III Международная научная конференция «Архивное востоковедение». Материалы конференции/Институт востоковедения РАН. М., 2014. С. 125–126.

в работах, посвященных забайкальской контрразведке¹. Значительный вклад в развитие темы вносит вышедший в 2019 г. под редакцией научного руководителя Института востоковедения РАН, академика В.В. Наумкина сборник «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936)»². В нашем исследовании мы будем опираться не только на блок опубликованных, но и на значительное число неопубликованных документов Центрального архива ФСБ России и Архива УФСБ России по Омской области.

Замечания исследователей о создании в начале 1920-х годов силами советской разведки и контрразведки «серьезных предпосылок для накопления и систематизации документальных материалов по странам и народам Востока»³, увы, слабо подтверждаются документально. Имеющиеся публикации не позволяют понять, какую именно информацию собирали сотрудники Центрального аппарата ОГПУ (ВО, ИНО, ИНФО, КРО) и аналогичных подразделений в Полномочных представительствах ГПУ-ОГПУ по Дальнему Востоку и Сибири, как велось накопление, систематизация и обмен информацией между взаимодействующими структурами внутри ОГПУ. Полученные данные и процесс их осмысления, т. е. превращения суммы фактов в знание о Монголии, о буддийском духовенстве, очевидно, имел четкую практическую коннотацию, когда знание выступало в качестве инструмента советской внешней и внутренней политики.

Включенная в общую идею экспорта революции на Восток Монголия стала одним из первых субъектов международного права (наряду с Персией, Афганистаном и Турцией), подписавшим 5 ноября 1921 г. с Москвой договор о взаимном признании. Целью тогдашней советской внешней политики было укрепление позиций Советского государства на международной арене и распространение в Монголии революционных идей. Позднее идею экспорта сменило стремление улучшить отношения в первую очередь с Японией, сблизиться с Китаем и закрепить Монголию в качестве буферного государства, чтобы защитить себя от потенциального противника.

¹ Соловьев А. В. Тревожные будни забайкальской контрразведки. М.: «Русь», 2004. 544 с.

² Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): Сборник документов/Науч. ред. В.В. Наумкин, ред. колл.: К.В. Орлова, В.В. Гайворонский, С.Л. Кузьмин, В.С. Христофоров. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.

³ Карташов А. А. Восточное направление в деятельности ВЧК-ОГПУ/ВЧК (1917–1922): к столетию создания/Сборник статей и документов. М., 2017. С. 357.

Не стоит долго говорить о том, что всем этим целям в полной мере служила деятельность советских спецслужб, которые следили за развитием ситуации в Монголии и на сопредельных территориях, оказывали влияние на принятие политических решений, поддерживая местных сторонников советской модели развития и расправляясь с ее противниками, к числу которых было отнесено и буддийское духовенство.

ГПУ-ОГПУ: организация и кадры

Формирование основных подразделений ВЧК-ГПУ-ОГПУ, которые добывали информацию по «восточным» сюжетам, началось далеко не сразу. Усиление контрразведывательной составляющей в ГПУ произошло летом 1922 г., когда в ее составе на базе 14-го специального отделения Особого отдела был создан Восточный отдел (ВО, работа по «внутреннему» и зарубежному Востоку). Одновременно с ним был сформирован Контрразведывательный отдел (КРО, борьба со шпионажем и белогвардейскими организациями)¹. В Полномочных Представительствах ОГПУ «с восточно-национальными республиками и областями построение Особых отделов должно было полностью обеспечить работу по восточной линии»².

В Восточный отдел в 1922 г. входило три отделения: среди которых 3-е отделение, занимавшееся Дальним Востоком (сюда же входили интересующие нас территории, а также Восточная и Западная Сибирь) (руководитель – М. М. Казас³). Начальником Восточного отдела с момента его создания до расформирования в 1930 г. являлся Я. Х. Петерс⁴. По итогам внутриведомственных прений ему

¹ Приказ ОГПУ от 2 июня 1922 года № 98/сс «Об организации Восточного отдела ГПУ» ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 519. Л. 366.

² Приказом ОГПУ от 10 сентября 1930 года в целях объединения работы по всем видам шпионажа и по «белогвардейско-кулацкой и повстанческой контрреволюции как в самой Красной армии, так и вне ее, ВО и КРО были ликвидированы и влиты в Особый отдел ОГПУ (См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1а. Д. 21. Л. 44; Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М: МФД, 2003. С. 47–48).

³ Казас Михаил Маркович (1896–1950) – уроженец г. Нижнего Новгорода, караим. Учился в Лазаревском институте восточных языков, где проучился до третьего курса в связи с его закрытием в 1917 г.. С 1921 г. – сотрудник 14-го специального отделения Особого отдела ВЧК. В 1921 г. находился в Анкаре в составе комиссии по репатриации военнопленных. С 1922 г. – начальник 3-го (дальневосточного) отделения Восточного отдела. Одновременно в 1922–1924 гг. учился в Московском институте востоковедения и на восточном отделении Военной академии РККА. В 1924–1926 гг. – резидент Иностранного отдела ОГПУ в Тегеране под прикрытием должности сотрудника полпредства СССР в Персии. В 1927–1929 гг. – вице-консул в Кашгаре. С 1929 г. – в центральном аппарате ИНО ОГПУ. С 1933 года работал в политотделах МТС. В 1939 г. уволен из органов НКВД. Участник Великой Отечественной войны.

⁴ Петерс Яков (Якоб) Христофорович (1886–1938) – уроженец Бринкенской волости

удалось доказать необходимость существования Восточного отдела, однако 20 марта 1923 г. часть функций – «разработка шпионажа со стороны Японии, Кореи и Китая» – была передана из Восточного в Контрразведывательный отдел ГПУ¹. Этим же приказом подтверждалось, что сфера компетенции Восточного отдела распространялась на Внешнюю Монголию, Западную и Восточную Сибирь, т.е. на районы, где компактно проживало нерусское население, исповедовавшее ислам, а также буряты и якуты и иные народности².

Основными проблемами при формировании основных разведывательных и контрразведывательных подразделений ГПУ-ОГПУ были организационно-кадровые, так как катастрофически не хватало специалистов, знакомых с национальными, религиозными особенностями сопредельных стран Востока (Афганистана, Ирана, Китая, Монголии, Турции). В ОГПУ было крайне мало сотрудников, которые имели теоретическую подготовку, владели национальными языками³. Соратники Петерса – люди, вершившие судьбы «восточных» народов, – как правило, были лишены специальной востоковедческой подготовки. Единственное исключение составлял уже упомянутый нами Михаил Казас.

Монголия исключением не стала. Сотрудники подразделений ГПУ-ОГПУ и Полномочных представительств на местах⁴ за редким исключением не знали специфических условий этих территорий, были слабо осведомлены об истории и современном развитии Монголии, не владели монгольскими или бурятскими языками,

Курляндской губернии. Участвовал в революции 1905–1907 гг., затем эмигрировал в Англию. В 1917 г. – член Временного революционного комитета Петроградского совета. Член Коллегии ВЧК (1917–1929). Секретарь ВЧК (декабрь 1917 по июнь 1918 г.), член Президиума ВЧК (с декабря 1920 г.). ИО председателя ВЧК (с 9 июля по 22 августа 1918). Начальник Восточного отдела ГПУ-ОГПУ (1922–1929 гг.). Арестован 25 ноября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР осужден 25 апреля 1938 г. к ВМН. Расстрелян. Определением ВК ВС СССР от 3 марта 1956 г. реабилитирован.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 122. Л. 70.

² При этом материалы по мусульманам Китая и Синьцзяна предписывалось направлять в Восточный отдел. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 122. Л. 70.

³ Гусева Ю.Н. Первые циркуляры Восточного отдела ОГПУ 1922–1923 гг.: советская контрразведка и «восточный» вектор российской политики // Отечественные архивы. 2018. № 2. С. 56–61.

⁴ В Полномочных представительствах ГПУ-ОГПУ по Дальнему Востоку и Сибири работу по восточному направлению (Китай, Монголия, Япония) вели восточные, иностранные, информационные, контрразведывательные и специальные (радиоперехват и дешифровка) отделения. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 27–43.

слабо представляли особенности ламаизма, традиции и обычаи монгольского народа¹.

Подобные проблемы возникали и при комплектовании аппаратов советников и инструкторов в Монголии и Танну-Тувинской Республике, направлявшихся за границу по линии ОГПУ. Так, ПП ОГПУ по Сибири обращало внимание Москвы на то, что подбор советских советников при Танну-Тувинском правительстве был «крайне неудачным, заменить же их на месте нечем»².

В марте 1925 г. начальник областного отдела ОГПУ Бурят-Монгольской АССР В. А. Абрамов направил полпреду ОГПУ по Дальнему Востоку А. П. Альпову отчет о некоторых результатах работы советской резидентуры³. В отчете указывалось, что спецслужбами было недооценены возможности и перспективы, которые представляла и открывала Урга⁴ в части распространения разведывательной работы на Китай, Тибет и Индию. Это сказывалось и при подборе сотрудников, посылаемых для работы в Монголию, чей уровень оставлял желать лучшего. Автор документа предлагал комплектовать низовой аппарат советских спецслужб в Монголии по возможности из «выдержанных» партийцев из среды бурят и калмыков, отказавшись при этом от направления в Ургу русских работников. Последние, по его мнению, не прививались даже в национальных областях Советского Союза, а в Монголии наносили откровенный вред и ведомству, и даже Коминтерну⁵.

«Монгольский» след в документах ГПУ-ОГПУ

Важное значение для понимания деятельности советских спецслужб на восточном направлении, и в Монголии в частности, представляют материалы следующих подразделений ГПУ-ОГПУ: ВО, ИНФО, ИНО, КРО, Особый отдел, Спецотдел, а также Полномочных представительств ГПУ-ОГПУ по Дальнему Востоку и Сибири, в которых содержится информация по интересующему нас вопросу. Дадим краткую характеристику содержащихся в них источников.

¹ Монголия в документах архивов ФСБ России (1922–1936 гг.) ... С. 6.

² Сводка зарубежных сведений ПП ОГПУ по Сибири по данным на 23 февраля 1925 года. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 169–171.

³ Легальная резидентура советской разведки действовала в Монголии под прикрытием аппарата инструкторов Государственной внутренней охраны МНР.

⁴ Урга – историческое наименование Улан-Батора, столицы Монголии. Основан в XVII в. под названием Оргоо (ставка) как резиденция Живого Будды (богдо-гэгэн). После образования Монгольской Народной Республики в 1924 г. город был переименован в Улан-Батор и стал его столицей.

⁵ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Л. 44–46.

Восточный отдел ОГПУ

В циркулярных письмах Восточного отдела ОГПУ содержались механизмы информационного обеспечения деятельности советских и партийных органов: методы и формы сбора первичной информации о лидерах и организациях «восточной контрреволюции», регламент предоставления документов ПП ГПУ в Центр¹. Чем ценны эти документы? Они наиболее полно раскрывают специфику работы не только Восточного отдела, но и Иностранного и Контрразведывательного: формулируют цели, задачи, направления работы, источники сбора информации для реализации вполне конкретных задач. Логика развертывания национально-освободительного, религиозного движения в категориях новой идеологии, понимание специфики Монголии, ее взаимоотношений с СССР, Китаем, Японией и Танну-Тувинской Республикой, анализ проблем в информационном обеспечении деятельности ГПУ-ОГПУ, НКВД, ЦК ВКП (б), пути устранения выявленных проблем – все эти нюансы позволяют наметить характеристики монголо-буддийского дискурса советских спецслужб в 1920-е годы.

Следующая группа документов, готовившаяся в Восточном отделе – «Информационные сводки по восточным окраинам СССР и сопредельным с ними странам» и «Обзоры по восточным окраинам РСФСР-СССР и сопредельных стран». Материалы по сопредельным странам освещали восточную политику империалистических держав и Советской России, имеющие гриф «Совершенно секретно», а также рабочие сводки, справки, сообщения². В сводки включалась информация, структурированная в небольшие подразделы в соответствии с проблемно-географическим принципом. Как правило, они начинались с раздела «Общее положение на Востоке», в котором аккумулировались материалы по зарубежным странам, входившим в зону интересов Советской России, в т. ч. по Монголии. Следом обобщались материалы по союзным и автономным республикам, губерниям и областям СССР, в которых был высок процент нерусского населения: среди них – Сибирь, Дальний Восток, Бурятия.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 27–43.

² Там же. Л. 27–43. Л. 15; подробнее см.: Христофоров В. С. Описание «внутреннего» и зарубежного Востока в обзорах советских спецслужб 1920-х – 1930-х годов: темы, термины, идеи // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 17: Архивное востоковедение (Материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН). М.: ИВ РАН, 2018. С. 235–248.

Кроме того, ВО готовил сводки по Монголии и Дальнему Востоку, в которых отражалась текущая ситуация, информационные сообщения о деятельности Японии во Внутренней Монголии под лозунгом создания «Автономной Монголии», а также о попытках Японии распространить свое влияние на Внешнюю Монголию и Дальневосточный край¹.

Весьма редко отдельным сюжетом в обзорах проходила тема буддизма, положения и деятельности лам в регионах компактного проживания народов, исповедующих эту религию (Бурят-Монголия, Внешняя Монголия). В то же время ВО ОГПУ внимательно следил за развитием ситуации с ламами², активно взаимодействовал с лояльным буддийским духовенством.

2. Иностранный отдел: концентрировал информационные сообщения о политическом положении в Монголии, справки, оперативные информации, содержащие сведения об отношениях ее с Китаем и Японией, разведывательной деятельности этих стран в отношении Монгольской народной республики³. Документы ИНО свидетельствуют, что к Монголии проявляли интерес и европейские страны. Так, в ноябре 1925 г. ИНО был добыт доклад датского посланника в Пекине по ситуации во Внешней Монголии⁴.

В информационных сводках ИНО содержались разносторонние сведения о работе монгольской контрразведки против советских инструкторов, настроениях в монгольской армии и в среде ламства, переселении монголов и казахов из Синцзяна в МНР, о конфликтах на монголо-китайской границе⁵. Записки о решении религиозного вопроса в Монголии и взаимоотношениях с ламами, сводки Иностранного отдела ОГПУ о деятельности Панчен-ламы⁶.

3. Информационный отдел ГПУ-ОГПУ: Наибольший интерес представляют «Обзоры политического и экономического положения республики» (с 1923 – СССР), которые готовились ИНФО

¹ Монголия в документах из архивов ФСБ России С. 135, 137, 141–143, 214–218.

² Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 34–37.

³ См.: Информационное сообщение ИНО ОГПУ от 14 августа 1925 г./Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 124; Оперативная информация ИНО ОГПУ от 10 сентября 1928 г. политике США и Японии в Маньчжурии/ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 78; Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 10–13, 198.

⁴ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 141. Т. 2. Л. 177–184; Д. 9920. Л. 176–177об.

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 307. Л. 1–5, 9–13, 54–58; Д. 378. Л. 12–18, 76–77, 99, 323–323об, 395; Оп. 10. Д. 531. Л. 128–128об.

⁶ Панчен-лама – второй по рангу лама после Далай-ламы.

ГПУ-ОГПУ для доклада высшему партийному и советскому руководству Советского Союза, а также для информирования руководящего состава ГПУ-ОГПУ, а также секретарей губернских и областных партийных организаций¹.

В сводках и обзорах ИНФО ОГПУ мы регулярно встречаем такие понятия, как «пантюркизм», «панисламизм», «панмонголизм»². Каждое из названных движений, по мнению ОГПУ, угрожало безопасности советского государства. Несмотря на то, что отряды панмогилистов были разгромлены в 1919–1920 гг., ОГПУ продолжало собирать о нем информацию. Так, в разделе «Националистические партии и группировки» обзора политико-экономического состояния СССР за апрель – май 1923 г. эксперты спецслужб дают характеристику «Панмонголистского движения»³.

4. Контрразведывательный отдел: готовил информационные сообщения, справки, аналитические записки, содержащие материалы оперативной работы органов ОГПУ по борьбе с контрреволюцией в регионе в начале 1930-х годов. По утверждению КРО ОГПУ, характерной тактикой контрреволюционных повстанческих организаций являлся тесный блок национальной («восточной») контрреволюции с русской (преимущественно казачьей) контррево-

¹ Яньшин А. Становление информационной службы ВЧК-ОГПУ // ВЧК (1917–1922): к столетию создания/Сборник статей и документов. М.: ИРИ РАН, 2017. 326 с.; Христофоров В.С. Описание «внутреннего» и зарубежного Востока в обзорах советских спецслужб 1920-х – 1930-х годов: темы, термины, идеи // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 17: Архивное востоковедение (Материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН). М.: ИВ РАН, 2018. С. 235–248.

² Термин «панмонголизм» был введен в оборот русским философом Владимиром Соловьевым в одноименном стихотворении «Панмонголизм» (опубликовано в 1905 г.) и в «Краткой повести об антихристе» (1900). Позже термин был подхвачен бурятской интеллигенцией, понимавшей данный термин, как идеологию создания национального государства (по аналогии с пангерманизмом, панславизмом, пантюркизмом, панисламизмом). После провозглашения независимости Монголии в конце 1911 г. Богдо-гэгэн (духовный и светский лидер Монголии), стремился объединить монгольские территории в одно государство. Однако подлинная независимость пока не наступила. Согласно русско-китайско-монгольскому Кяхтинскому соглашению от 7 июня 1915 г., «Внутренняя Монголия» была признана автономной территорией в составе Китая, который обязывался не вмешиваться в ее внутреннее управление. «Внешняя Монголия» получила право заключать международные договоры по экономическим вопросам. Наибольшую активность в реализации идеи создания единого государства проявляли буряты, баргуты и иные монгольские народности. Они и приняли участие в работе двух панмонгольских конференций, состоявшихся в 1919 году под патронатом атамана Семенова. На конференциях провозглашалась идея о создании единого государства на территориях России (Бурятия) и монгольских землях, включенных в Китай (Внутренняя и Внешняя Монголия, Барга и Забайкалье) (Батудаева Д. Что такое «панмонголизм»? // URL: <https://www.infpol.ru/133605-chtotakoe-panmongolizm/> (дата обращения 09.08.2020)).

³ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 105–106.

люцией. В ряде восстаний, руководимых контрреволюционными организациями, совместно участвовали алтайцы и русские казаки (Ойротия), буряты, русские казаки (Бурятия, Монголия и ДВК), русские и казахи-националисты (Казахская АССР)¹.

5. Особый отдел (ОО) ОГПУ и особые отделы на местах: формировал информационные сообщения, доклады, отчеты, аналитические записки. В 1920-е годы ОО ОГПУ Бурят-Монгольской области регулярно направлял в ПП ОГПУ по Сибкраю информацию о ситуации в Монголии.

6. Специальный отдел: готовил справки, меморандумы, содержащие сведения о ситуации в Монголии и соседних странах, направлении из Японии в Монголию различных комиссий и экспедиций, в том числе для изучения русского влияния. На основе перехвата и дешифровки дипломатических сообщений иностранных государств Спецотдел готовил информацию об интересах Китая, Японии и других стран в этом регионе².

7. ПП ОГПУ по Сибири и подчиненных ему губернских и областных отделов ГПУ: Полномочные отделы готовили и направляли в центр сводки политического положения в Монголии, в которых также содержалась информация о положении в городе Урумчи; Кобдойском округе; Ойротской области; об усиливающемся влиянии Монголии в Урянхае³. Сводки ПП готовились на основании данных подчиненных ему структур ОГПУ. Так, по данным Ойротского облотдела ОГПУ, поступавшая информация свидетельствовала о намерении Монголии возратить себе Алтайский округ⁴ Синцзяна, земли которого издавна принадлежали ей, но со временем перешли во владение Китая. Там часто происходили китайско-монгольские столкновения⁵.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 53. Л. 321–322.

² См.: Информационное сообщение Спецотдела ОГПУ о меморандуме посольства Японии в Москве по поводу посылки официального японского представителя в Монголию. (Не ранее 27 июля 1928 г.)/ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 422. Л. 214; Оперативная информация ИНО ОГПУ от 10 сентября 1928 г. политике США и Японии в Маньчжурии/ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 78; Перехваченное донесение полковника Комацубара от 5 февраля 1933 г. о положении во Внутренней Монголии/ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 10–13, 198.

³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 169–171; Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 44; Монголия в документах архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)... М., 2019. С. 70–71.

⁴ Алтайский округ Синцзяна – часть Кобдоского округа Монголии, в 1907 году указом циньского императора выделен в отдельный округ, затем включен в состав Синцзяна.

⁵ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 71. Л. 35/Монголия в документах архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): Сборник документов. М., 2019. С. 73–74.

8. *ПП ГПУ по ДВО (г. Хабаровск) и подчиненных ему губернских и областных отделов ГПУ*: указания, отчеты, информационные сообщения, сводки. Особый интерес представляет указание ПП ГПУ по ДВО, направленное в сентябре 1923 года в областной отдел ОГПУ Монголо-Бурятской АССР по организации разведывательной работы в Восточной Монголии (центр – Урга). Предписывалось немедленно организовать резидентуру¹. Особое внимание обращалось на буддизм, необходимо было установить его влияние на монголов и бурят. В центре внимания отдела также была связь Монголии с Монголо-Бурятской Республикой². Начиная с 1923 года в Прибайкальском губернском отделе ГПУ (г. Верхнеудинск³) также регулярно готовились сводки о положении в Монголии⁴.

9. *Материалы Государственной внутренней охраны (ГВО) МНР*⁵: справки, доклады, отчеты подготовленные Я.Г. Блюмкиным и Н.М. Балдаевым⁶ о составе монгольского правительства,

¹ Среди них – изучение политического и экономического положения страны; политических партий; бандитизма внутреннего и зарубежного; численности и настроений в монгольской армии, мест дислокации частей; характеристик деятелей монгольского правительства, положения белой эмиграции (группировки, деятельность руководителей, задачи); наблюдение за иностранными группировками и объединениями, английским и японским шпионажем и контрреволюцией (агитацией лам и князей и другими контрреволюционными группировками).

² Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 14.

³ Верхнеудинск, город (с 1775) в Российской империи, после 1917 г. – центр Прибайкальской губернии; в апреле-октябре 1920 г. – столица Дальневосточной республики; с 30 мая 1923 г. – столица Бурят-Монгольской АССР. 27 июля 1934 г. постановлением Президиума ЦИК СССР переименован в Улан-Удэ (бур. Улаан Үдэ – Красная Уда). С 7 июля 1957 г., после переименования республики, стал столицей Бурятской АССР. С 27 марта 1992 г. Улан-Удэ – столица субъекта Российской Федерации Республики Бурятия.

⁴ Сводка направлена Полномочному представителю ГПУ на ДВ (г. Чита); ИНО ОГПУ (г. Москва). См.: Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 17. Л. 41–51, 111–125.

⁵ 16 июля 1922 г. было образовано Управление государственной внутренней охраны (УГВО), ставшее первым в истории Монголии органом безопасности, предшественником современного Главного разведывательного управления. УГВО подчинялось непосредственно Военному совету Монгольской народной армии и первоначально состояло из одного отдела, который наряду с обеспечением внешней безопасности страны был призван бороться с нарушениями общественного порядка: воровством, грабежами, растратами государственного имущества и другими преступлениями. В 1922–1923 гг. были созданы еще два отдела: военный и административно-хозяйственный (ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 137. Л. 204–210).

⁶ Балдаев Николай Михайлович (1901–1937), бурят, член ВКП (б) с 1920 г.. Уполномоченный Иркутской ГубЧК в Бурят-Монголии (1921), начальник Восточного отдела Бурят-Монгольского областного отдела ОГПУ (1924), сотрудник ИНО ОГПУ в Монголии инструктор, затем главный инструктор ГВО МНР (1924–1926), инструктор СОЧ, врид главного инструктора ГВО МНР (1926), сотрудник ИНО ОГПУ (с ноября 1926 по февраль 1932), начальник ИНО ПП ОГПУ по Дальневосточному краю

о Государственной внутренней охране; о ликвидации контрреволюционного восстания ламства и феодалов в Северо-Западной Монголии (10 мая 1930 года)¹.

Подводя итог информационному освещению монгольских сюжетов, отметим следующее. При подготовке информационных сообщений о политической ситуации в Монголии регулярно велся обмен внутри ОГПУ между различными отделами и подразделениями на местах. Основными поставщиками информации по Монголии с мест были ПП ОГПУ по ДВО и Сибири. Информация по данной теме, поступавшая в ОГПУ из других ведомств, направлялась Артузову², Петерсу, Менжинскому³, Ягоде⁴.

Анализ нормативных правовых и информационно-аналитических документов, а также служебной переписки подразделений ОГПУ и его полномочных представительств по ДВО и Сибири свидетельствует о том, что четкого рубрикатора стран, регионов и локальных сюжетов, которые подлежали регулярному освещению, не было. Практика работы и наличие информации о ситуации в Монголии корректировали фокус внимания ОГПУ, переключая его с внешнеполитических аспектов на экономические, с религиозной обстановки на борьбу с контрреволюцией, а затем на противодействие шпионажу. Вместе с тем в поле зрения ОГПУ постоянно находились вопросы взаимоотношения Монголии с Танну-Тувинской Республикой и Китаем, формирования монгольских специальных служб, религиозная обстановка в стране, вопросы лояльности Советскому Союзу политической и военной элиты страны.

В целом документы ГПУ-ОГПУ дают уникальную возможность проанализировать циркуляцию информационных потоков,

в Хабаровске (с февраля 1932).

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 137. Л. 187–196, 212; Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 26–28, 554–575.

² Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891–1937), деятель советских органов государственной безопасности. Один из основателей советской разведки и контрразведки, корпусной комиссар (1935). Начальник КРО СОУ ГПУ/ОГПУ (1922–1930), заместитель начальника ИНО ОГПУ СССР (1930–1931), начальник ИНО (1931–1935). Арестован 13 мая 1937 г. Приговорен к ВМН 21 августа 1937 г., расстрелян в тот же день. Реабилитирован 7 марта 1956 г.

³ Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934), один из руководителей советских органов государственной безопасности. Председатель ОГПУ (1926–1934).

⁴ Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938), один из главных руководителей советских органов госбезопасности, управляющий делами Особого отдела ВЧК (1919–1923), заместитель председателя ОГПУ (1923–1934), нарком внутренних дел СССР (1934–1936). Расстрелян в 1938 г. Не реабилитирован.

а также исследовать понятийный аппарат, который использовался сотрудниками специальных служб в освещении монголо-буддийских сюжетов.

Фокус внимания ГПУ-ОГПУ на монгольском направлении

На что в первую очередь обращали внимание основные подразделения, когда речь шла о монгольском направлении их работы? В начале 1920-х годов на первый план выходили задачи борьбы с «национально-религиозной контрреволюцией». Начальник ВО Петерс весьма образно писал о том, что волны контрреволюции распространялись от окраин к центру, и именно они представляли собой «...одну из самых серьезных опасностей, угрожающих Советской власти»¹. В этом была определенная логика: необходимо было разобраться с «собственными» восточными окраинами, чтобы продвигать дальше революцию на Восток. Подобная парадигма смещала центр внимания ОГПУ и его полномочных представителей на деятельность наиболее активных общественных групп – представителей национально-религиозной элиты, которые, по мнению сотрудников спецслужб, выступали инициаторами «восточного контрреволюционного» движения.

Проанализируем, насколько вписывалась в эту схему монголо-буддийская тема, а для этого дадим обзор основных сюжетов, нашедших свое отражение в материалах спецслужб.

Противостояние между МНР и СССР по поводу присоединения Танну-Тувинской Республики

На развитие советско-монгольских отношений в 1920-е годы существенное влияние оказывал тувинский фактор². Тогда Монголия не оставляла попыток вернуть Туву под свою юрисдикцию и активно работала с местными элитами³.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 655. Л. 16–26.

² Во внешней политике Монголии особое место занимали ее отношения с бывшим Урянхайским краем. Урга неоднократно предпринимала попытки присоединения Урянхия к Монгольской Народной Республике, всякий раз подчеркивая историческую, культурную, политическую и религиозную связь с Тувой. Обращаясь к истории развития Урянхайского края, следует напомнить, что в 1914 г. по просьбе части тувинских ноинов во главе с высшим феодалом Урянхия – амбын-нояном Комбу-Доржу (Гомбодорж) Россия установила протекторат над Тувой. Военными и административными делами управлял Енисейский генерал-губернатор. В августе 1921 г. Всетувинский учредительный хурал, на котором присутствовала делегация Советской России и представители Дальневосточного секретариата Коминтерна в Монголии, принял резолюцию о создании самостоятельного тувинского государства Танну-Тува. В начале 1920-х годов некоторые советские партийные и государственные деятели склонялись к присоединению Тувы к МНР, однако позже от этой идеи отказались в пользу присоединения Тувы к СССР.

³ См.: Письмо заведующего отделом Дальнего Востока НКВД СССР Б. Н. Мельникова

В начале 1925 г. ПП ОГПУ по Сибири отмечало, что в политической жизни Урянхая постепенно усиливалось влияние Монголии: «Монголофильская политика Нямжавы, плюс руководимая Ургой работа монгольских советников привели к тому, что сейчас в области борьбы за политическое влияние на Урянхай» Советский Союз, по мнению сибирских контрразведчиков, терпел ряд неудач. Две трети населения Урянхая прислали «письма», требующие присоединения к Монголии; советским торговым организациям предьявлялись трудно выполнимые требования; Танну-Тувинское правительство без участия советских советников (вероятно, под давлением монголов), выработало новый таможенный устав, тормозивший деятельность советских организаций в Урянхае¹.

Для уяснения националистического движения на Дальнем Востоке представители ОГПУ стремились учитывать «соотношение классовых групп, создающееся после революции 1921 года в Монголии». По мнению ОГПУ, наиболее сильные экономические группы феодальных князей – светских и лам, уступив политическую власть мелкому дворянству и чиновничеству (третьему сословию), все же сохранили свое влияние на остальную массу населения, получая, таким образом, реальную силу против революционных группировок.

ИНФО ОГПУ утверждал, что «на этой почве развивается идея панмонголизма, близким которому является и теократическое движение в Бурятии». Аналитики писали, что «Панмонголизм стремится воссоздать новую «Великую Монголию», обнимающую монгольские и тюркские народности. Объективные условия (старая русская колонизаторская политика и эксплуатация местного населения) создали благоприятную почву для пробуждения национального самосознания у ряда народностей Западной Монголии и России»².

Буддизм и ламаизм в СССР и Монголии под опекой ОГПУ

Советское правительство и ВЧК-ГПУ-ОГПУ в отношении лам проводило такую же политику, как и в отношении православной церкви и последователей ислама. Декрет об отделении

от 10 сентября 1924 г. полпреду СССР в Монголии А. Н. Васильеву/Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 71. Л. 99–103; Сводка № 2 зарубежных сведений ПП ОГПУ по Сибири по данным на 23 февраля 1925 года/ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 169–171; Информационное сообщение ПП ОГПУ по ДВО от 16 июня 1925 г. о ситуации в Танну-Туве/Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 71. Л. 43.

¹ Сводка зарубежных сведений ПП ОГПУ по Сибири по данным на 23 февраля 1925 г. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 169–171.

² См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 794. Л. 105–106.

церкви от государства и школы от церкви (1918) первоначально был положительно воспринят буддистами России. Однако вскоре последовало разочарование. Важным инструментом в проводимой спецслужбами антирелигиозной политике стала поддержка расколов в православии, «обновленчества» в исламе и буддизме.

В 1922 г. вслед за расколом православной церкви произошло аналогичное разделение ламаистского духовенства на сторонников реформ («обновленцев»), стремившихся примирить вероучение с советской действительностью и приблизить его к первоначальному, «чистому», учению Будды, и их противников (консерваторов). Обновленческое движение в ламаистской церкви возглавили представители бурятско-калмыцкого духовенства и интеллигенции – А. Доржиев¹, Л. Текин, Б. Барадин, Ц. Жамцарано. Они выступали за модернизацию религиозного культа, усиление выборного начала в органах церковного управления, расширение прав мирян в приходе, разрабатывали концепции тождественности идей буддизма и коммунизма².

Обновленчество в Бурят-Монголии, поддержанное усилиями ОГПУ, было направлено на раскол деятельности лам³. ОГПУ признавало идейное лидерство обновленца – Ганжиробо Гегена, пользующегося авторитетом среди верующих мирян и лам Бурятии. Он совершал поездки по дацанам и, встречаясь с большими массами народа (до 2000 человек), вел среди них просоветскую агитацию, подчеркивал, что советская власть была единственной властью, предоставившей буддистам свободу вероисповедания.

¹ Доржиев Агван Лобсан (1853–1938), бурятский лама, ученый, дипломат, просветитель, религиозный, государственный и общественный деятель России, Тибета и Монголии. Одна из ключевых фигур в истории российского буддизма XX века. В 1937 г. арестован в Бурятии. Скончался в тюремной больнице города Улан-Удэ в 1938 г. Место захоронения неизвестно.

² В 1922 г. ламами-обновленцами был проведен Первый съезд буддистов бурят-монгольских автономных областей ДВР и РСФСР, на котором было образован Центральный Духовный Совет (ЦДС) буддистов. Одним из главных центров обновленчества в России стал Петроградский буддийский храм. Подробнее: Амоглонова Д. Д. Буддизм и советская идентичность в Бурятии в 1920–1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 59–65. DOI: 10.17223/15617793/421/8; Сеницын Ф. Л. К истории возникновения теории общности буддийского учения и коммунистической идеологии // Вопросы философии. 2012. Цыремпилова И. С. Обновленческое движение в буддизме на территории этнической Бурятии как социокультурное явление в 1920-е гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2014. Т. 9. С. 66–71 и др.

³ Обзор политического состояния СССР за октябрь 1926 г. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 439. Л. 258–293.

Обновленческое ламство во главе с Центральным Духовным Советом буддистов начало подготовительную работу к созыву в Москве в декабре 1926 г. Всебуддийского собора¹. Он состоялся в январе 1927 г. На нем присутствовало 48 делегатов, в том числе 25 делегатов из Бурят-Монголии и 23 человека из Калмыцкой области и Сальского округа². Помимо делегатов на соборе присутствовали три представителя из Тибета и два из Монголии. Созывая собор, обновленцы ставили задачи укрепления обновленческого движения и получения от советской власти уступок в вопросах о возрастной норме для учеников духовных школ. Собор выявил значительную активность обновленцев (лам и мирян) и укрепление обновленческого движения³. При поддержке советских спецслужб проводилась национализация дацанов и передача их обновленческим группам ламства.

Между обновленческим и консервативным ламством в Бурят-Монголии шла борьба за влияние на массы. В Иволгинском сомоне (Верхнеудинского уезда) консерваторы, получив разрешение на открытие своего дацана⁴, устроили общее собрание, на котором присутствовало 300 человек верующих и около 300 человек лам. Собрание, обсудившее вопросы внутреннего положения дацана, распределение средств между ламами и отношение к обновленцам, постановило избрать комиссию в составе 9 человек, которая должна будет объехать все сомоны⁵ и установить принадлежность каждого верующего к религиозным течениям⁶.

¹ В его повестке значились: доклады ЦДС Бурятии и Калмыкии, согласование уставов и положений буддийского духовенства, обсуждение вопроса об отношении к призыву лам в РККА и о возрастной норме для учеников духовных школ. См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 4. Кн. 2. (1926). М.: ИРИ РАН, 2001. С. 827, 903.

² Традиционные районы расселения буддистов – Бурятия, Тува, Калмыкия, Читинская и Иркутская области.

³ Обзор политического состояния СССР за январь 1927 года. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 5. Д. 385. Л. 27–28. Опубликовано: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 5. (1927). М.: ИРИ РАН, 2003. С. 47.

⁴ Дацан – первоначально в ламаизме название факультета (отделения) учебного заведения при монастыре, позднее название самого монастыря. При дацанах состоят ламы с послушниками и учениками. Ламы почти единственные обладатели национальной монгольской и тибетской грамотности и учености, а дацаны из-за отсутствия светских школ становились очагами просвещения и национальной культуры.

⁵ Сомон – наименьшая административно-территориальная единица в Республике Тыва (Российская Федерация), Монголии, а также Внутренней Монголии (КНР).

⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 5. (1927). М.: ИРИ РАН, 2003. С. 305–306.

Такая политика государственных органов вызвала ряд резких выступлений консервативных лам и их сторонников. Одновременно консервативными ламами велась агитация о скором падении советской власти и приходе белогвардейцев вместе с Чжан Цзолинем¹, которые перебьют всех обновленцев. ИНФО ОГПУ сообщал о том, что только около 60 лам Челтуевского дацана перешли на новый устав и приняли все дацанские здания, остальные же 250–260 лам (консерваторы) почти каждую ночь собирались во дворе ламы Намшиева и проводили там свои собрания. Они не намеревались присоединяться к этим 60 человекам и говорили, что «власть долго не просуществует, от силы два-три года, а потом мы восторжествуем»².

Под предлогом участия лам в антисоветских заговорах и мятежах стали закрывать, а затем разрушать дацаны и хурулы, арестовывать лам, лишать их сана. Одним из обвинений в их адрес стала агитация населения эмигрировать в Монголию:

«Ламы совместно с кулаками вели усиленную агитацию среди населения, призывая к эмиграции в Монголию. При этом ламы широко практиковали предсказания и распространение грамот, «предупреждающих грехи» («аборалы»). Наиболее активной была группа ламства Агинского аймака. Ламы Цугольского дацана разъезжали по улусам Агинского аймака и вели агитацию за переселение бурят в Монголию».

Усиленно распространялись слухи о том, что «правительство издало постановление о конфискации имущества у всех забайкальских бурят»³. Сильная агитация лам и кулачества отмечалась в Верхнеудинском районе. Наиболее сильные эмиграционные настроения отмечались в восточных районах Бурят-Монголии.

Мотивами перекочевки назывались: земельный голод, затруднения в снабжении населения промышленными товарами, высокие налоги, индивидуальное обложение байских хозяйств и родственные связи с проживающими в Монголии⁴.

К середине 1930-х годов судьба буддийской религии в СССР была предreshена. Повсеместно в Бурятии и Калмыкии прошла

¹ Чжан Цзолин (1875–1928) – китайский военный и политический деятель.

² «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 4. Кн. 1. (1926). М.: ИРИ РАН, 2001. С. 642, 703.

³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 7. (1929). М.: ИРИ РАН. 2004. С. 123–124, 170.

⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 7. (1929). М.: ИРИ РАН, 2004. С. 170, 305–306.

национализация дацанов и хурулов («очагов мракобесия»), сопровождавшаяся разрушением культовых построек, уничтожением священных книг на тибетском и монгольском языках, бурханов и других буддийских реликвий. Большинство лам подверглось политическим репрессиям (в классификации органов ОГПУ это было «реакционное ламство»). Они обвинялись в поддержании связей с японскими спецслужбами и попытках развязывания священной войны. Учитель лам разделили видные востоковеды-выходцы из буддологических школ академиком С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского: М. И. Тубянский, А. И. Востриков, Б. В. Семичев и другие¹. К концу 1930-х годов значительная часть монастырей и храмов на территории Бурятии и Калмыкии была разрушена².

Буддизм (ламаизм) в Монголии

В 1921 г. в Монголии насчитывалось 747 буддистских монастырей и 120 тысяч монахов и священников (при общем населении страны в 650 тысяч человек). Лам Монголии пытались использовать в своих интересах представители Японии и Китая.

Среди документов ЦА ФСБ России имеются материалы о деятельности Панчен-ламы³ (Таши-ламы) в Тибете. Так, в сводке Иностранного отдела ОГПУ за апрель 1927 г. отмечалось:

«Китайские газеты сообщают еще не проверенные сведения о предстоящем буддийском соборе в Пекине. В организации этого собора можно ясно усмотреть стремление реакционных элементов Китая, а через них и Японии, использовать в своих интересах временное пребывание Панчен-ламы в Пекине, а также влияние буддийских общин на народные массы Халхи (Монголии), Внутренней Монголии и Тибета... Предстоящий буддийский собор в Пекине является продолжением той же линии, которая преследует три цели: прекратить возможность просачивания новых веяний

¹ Агван Доржиев и судьба буддийской религии в СССР. URL: <https://buddha.by/agvan-dorzhiiev-i-sudba-buddiiskoi-religii-v-sssr?pg=3> (дата обращения: 09.08.2020).

² Вопрос о восстановлении исторической справедливости – возвращении в буддийские дацаны всех религиозных буддийских святынь, религиозной литературы, инвентаря и имущества, изъятых и переданных в государственные музеи в 1935 г., неоднократно поднимался представителями буддийского сообщества. В 2000 г. член религиозного общества Цугульского Дацана Могойтуйского района Агинского автономного округа Читинской области Д. Р. Бальжинимаев обращался в Государственную Думу РФ с просьбой вернуть религиозные святыни и к своему обращению приложил приемо-сдаточные акты за 1935 г. о конфискации имущества дацанов в безвозмездное распоряжение музеев БМАССР.

³ Панчен-лама, титул второго после Далай-ламы духовного лидера Тибета, который считается реинкарнацией первого Панчен-ламы. Все они традиционно возглавляют монастырь Таши-лунпо в Тибете.

в народные массы; прекратить нарастающее движение обновления буддизма, которое характеризуется возвращением к первоначальным здоровым основам учения; сохранить буддийские территории всей Монголии, Джунгарии¹ и Тибета за Китаем и пресечь в корне нарастающее национально-освободительное движение...»².

Темы ламаизма регулярно освещались в сводках ВО ОГПУ и Облотдела ОГПУ по Бурят-Монгольской Республике за апрель-сентябрь, ноябрь 1927 г., март 1928 г., апрель 1929 г., февраль, август, ноябрь 1930 г. Сообщалось о движении лам за реставрацию власти Богдо-гэгэна, о деятельности Агвана Доржиева по признанию Богдо-гэгэна, о том, как Доржиев нелегально отправлял лам в Тибет, настроениях лам в связи с конфискацией имущества духовенства и религиозных организаций³. Используя оперативные возможности, ОГПУ и ГВО собирали информацию о ламстве Гандана и и Дзун-хурэ, о возможно приглашении в Монголию Богдо-гэгэна, «о брожении среди лам в Улан-Баторе»⁴.

Развязанный в СССР террор против духовенства был перенесен и в Монгольскую Народную Республику. Буддийское духовенство Монголии разделило участь своих единоверцев в Союзе. Борьба с духовенством маскировалась геополитическими соображениями укрепления безопасности в связи «с японской угрозой». По примеру СССР наступление на ламство началось с экономического и политического давления, за которым последовали репрессивные меры⁵.

С 1928 г. в Монголии с завидной регулярностью раскрывались «заговоры» лам, проводились аресты лам в связи с организацией движения в поддержку Богдо-гэгэна⁶. В сообщении Восточного отдела ОГПУ за 7 мая 1929 года говорилось:

«Отмечается дальнейшая активизация происков Японии во Внешней Монголии. Последнее подтверждается активностью, проявляемой известным в буддийском мире Панчен Богдо, при ко-

¹ Джунгария – равнина между горами Алтая и Восточного Тянь-Шаня на Северо-западе Китая.

² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 12.

³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 307. Л. 1–5, 9–13об, 54–58; Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 18–20, 29–34об, 49–50, 85–86, 152–155, 165–167, 169–170, 332–341.

⁴ Монголия в документах архивов ФСБ России... С. 143–145, 175, 190–191.

⁵ Максимов К. Н. Репрессии против буддийского духовенства – носителей национальной идеологии и духовенства // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 3 (56). С. 23–29. URL: [http://kaspy.asu.edu.ru/files/3\(56\)/23-29.pdf](http://kaspy.asu.edu.ru/files/3(56)/23-29.pdf) (дата обращения: 09.08.2020).

⁶ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 9920. Л. 34–37, 161–162, 184–185.

тором все время находятся японские резиденты, направляющие его деятельность в желательном для Японии духе. Деятельность Панчен Богдо направлена, главным образом, к подготовке среди монгольского населения движения в пользу провозглашения во Внешней Монголии Богдо-Хутухты. Уже сейчас отмечаются признаки недовольства властями со стороны населения восточного района МНР на почве запрещения им переходить границу в пределы Внутренней Монголии на поклонение Панчен Богдо. Одновременно с этим отмечаются и происки китайских милитаристов во Внешней Монголии, питающих надежду вернуть ее путем внутренних неурядиц и заговоров на положение китайской провинции»¹.

В сентябре 1929 г. в Егузэре был скрытно задержан и перевезен в Улан-Батор один из высших лам Монголии – Егузер-хутухта. Для местного населения было объявлено, что это сделано целях обеспечения личной безопасности Егузера-хутухта, так как произошли осложнения на границе. Ламство и население не верило официальным заявлениям, считая их вымыслом и ложью, так как на границе ничего тревожного не происходило. Вскоре, в 1930 г., духовный лидер был обвинен в контрреволюционной деятельности и расстрелян².

Политические репрессии среди местных лидеров общественного мнения мало чем отличались от тех, которые прокатились по разным частям СССР. Политические репрессии монгольских подданных велись и на территории МНР, и на территории СССР. Так, на заседаниях тройки ПП ОГПУ по Восточно-сибирскому краю, проходивших в начале 1934 г. в Иркутске, во внесудебном порядке регулярно рассматривались списки на сотни монгольских граждан (различных категорий, военнослужащие, судьи, скотоводы, большинство из них были эмигрантами из России, служившими в белогвардейских частях), которые приговаривались к различным срокам лишения свободы в концентрационных лагерях³.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 126.

² Монголия в документах из архивов ФСБ России... С. 203–204.

³ В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 8 июня 1990 года (П187/119) Э. Шеварнадзе, В. Крючков и А. Яковлев 30 июня 1990 г. подготовили проект заявления советской стороны по вопросу о необоснованных репрессиях против монгольских граждан в 1930–1940-е гг., в которых были замешаны работники НКВД СССР. Содержание заявления было согласовано с монгольской стороной. В принятом по этому поводу постановлении ЦК КПСС «О заявлении Советской Стороны по вопросу о репрессиях против монгольских граждан в 1930–1940-х годах с участием НКВД» было принято решение опубликовать заявление в центральной советской печати как материал ТАСС. В заявлении ТАСС отмечалось, что в Советском Союзе, где миллионы людей стали безвинными жертвами сталинских репрессий, глубоко

2 марта 1929 г. был арестован «панмонголист» Цыден Еши Цыдыпов¹. В декабре 1918 г. он участвовал в Общебурятском съезде, где был избран новым членом «Бурятской Народной Думы». Принимал деятельное участие в формировании Даурского панмонгольского правительства. По инициативе Цыдыпова, выступавшего за создание у бурят собственных войск, в составе Бурнардумы стали формироваться «белые» части «Сагаан сагда». Летом 1919 г. в Хайдаре он вел переговоры с баргутскими князьями по поводу образования временного монгольского правительства. Летом 1923 г. Управлением Барги был командирован в Ургу «для установления дружеских связей». В то же время по поручению ЦК Народной партии участвует в открытии комитетов партии, привлечении кандидатов, ведении агитации среди масс в своем районе.

Весной 1930 г. в Северо-Западной и Западной Монголии прошли восстания лам и феодалов, которые были жестоко подавлены монгольской армией и Государственной внутренней охраной². Летом того же года были раскрыты «заговоры» в 19-м и 42-м эскадронных заставах в Баян-Тумэне.

В 1931 г. был арестован сторонник идеи автономии Барги³ китайский подданный Мерсэ⁴. По недоказанным сведениям, он

сожалеют по поводу этих трагических событий, омрачающих историю отношений между СССР и МНР. Перестроечные процессы, развертывающиеся в обеих странах, открыли возможность для очищения советско-монгольских отношений от негативных наслоений прошлого, для обновления двустороннего сотрудничества в духе полного равноправия и добрососедства, взаимного уважения, доверия и открытости. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 6. Оп. 13. Д. 64. Л. 254–257.

¹ Цыден Еши Цыдыпов (1884 – ?). В 1924 г. был избран Председателем комитета Баргутской Народной партии. С октября 1927 г. – инструктор Саибейской районной конторы Монголтранспорта. Весной 1928 г. назначен уполномоченным Миннархоза с возложением обязанностей по организации Ярмаркома и ярмарки в Восточном аймаке МНР. Арестован 2 марта 1929 г., отправлен в Улан-Батор. Предъявлено обвинение «в установлении связи с границей и с частными лицами и подрыве в работе СТФ». Осужден к пяти годам. В 1989 г. реабилитирован.

² Монголия в документах из архивов ФСБ России ... С. 283–311.

³ Барга – историческая область во Внутренней Монголии, территория традиционного проживания баргутов.

⁴ Мерсэ (Го Дау Фу) (1894 – ?), баргут-даур, китайский подданный. Владел монгольским, китайским, русским, английским и маньчжурским языками. Подданным Полномочного представительства ОГПУ ДВК, «Мерсэ, провоцируя националистическое движение монгол, по заданию японской разведки вел в пределах Внутренней Монголии шпионскую работу. 11 декабря 1931 г. при посещении Советского консульства на ст. Маньчжурия был схвачен и тайно переправлен в СССР – в ПП ОГПУ ДВК, обвинялся в шпионаже, подготовке крупной вооруженной авантюры. Осенью 1933 г. дело было передано в ИНО ОГПУ. Коллегией ОГПУ от 27 марта 1934 г. приговорен к расстрелу с заменой на заключение в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет. Заключением ГВП от 19 мая 1989 г. реабилитирован.

якобы с 1917 г. готовил национальные кадры: создавал начальные монгольские школы – так называемые группы возрождения монгольской культуры. В Мукдене являлся директором монгольской семинарии. В 1918 году принимал активное участие в съезде представителей Бурят-Монголии, созванном в г. Верхнеудинске атаманом Семеновым. Вращаясь в кругу монгольских националистов, принимал участие в проводимой ими организации Народно-революционной партии Внутренней Монголии и был избран секретарем ЦК¹. Мерсэ в 1928 г. заявлял: «Своей базой мы считаем, в первую очередь, Баргу, которую рассматривали как самостоятельную единицу, входящую в состав маньчжурской территории»².

Важно отметить, что борьба с «панмонголизмом», развернувшаяся усилиями ОГПУ в начале 1930-х годов, логично вписывалась в общую концепцию борьбы с враждебно настроенным к Советскому Союзу внешним окружением. В докладе начальника Особого отдела за 1934 г. Генриху Ягоде отмечалась «значительная активизация работы агентуры японского штаба среди классово-враждебных элементов бурято-монгол (Бурято-Монгольская АССР), тюрко-татарского населения Сибири, Татарии и Башкирии, проводимой путем усиления активности центров национальной эмиграции, особенно татарской в Маньчжурии, Польше и Финляндии (вскрытой нами при ликвидации контрреволюционной организации «Крестьянский Иттифак» в Татарии-Башкирии, «Туркмен-Азат-Лиги» в Туркмении, «Туранская социалистическая партия» в Киргизии, «Иттихат Шарк» в Таджикистане, «Союз сибирских тюрок в Западной Сибири»)»³.

Заключение

Монголо-буддийская тема стала одним из весьма специфических направлений в работе советской разведки и контрразведки 1920-х – 1930-х годов. Не представлявшая первостепенную важность тема выстраивания отношений с относительно слабым геополитическим субъектом отчасти объясняет фрагментарность сведений, которые добывались десятками подразделений центрального и местного аппарата ГПУ-ОГПУ.

¹ Из обвинительного заключения на Мерсэ. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-34587. Л. 145.

² Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 65. Д. 2224. Т. 2. Л. 14

³ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 210. Л. 1–78. Опубликовано: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 10 (1932–1934 гг.). Ч. 3. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 131–168.

Если говорить о монгольском направлении работы спецслужб, то именно Восточный отдел занимал ведущее место в системе ГПУ-ОГПУ как центр координации деятельности местных и центральных органов госбезопасности. Именно он активно взаимодействовал с иными отделами центрального аппарата ведомства, собирал и обобщал данные, поступавшие из восточных подразделений ПП ОГПУ, обменивался информацией с Восточным отделом НКВД. В результате именно он разрабатывал предложения по работе на монгольском направлении и по взаимодействию с буддийским духовенством для руководства ведомства, а также для НКВД и Коминтерна.

Отсутствие системной и глубокой проработки «монгольского» и «буддийского» вопросов и заметной внутриведомственной полемики по ним также являлось производной кадрового дефицита и весьма ограниченных возможностей и стремления к привлечению работников из числа местного населения. Осознание необходимости включения местных элит в работу спецслужб существовало, прежде всего, у работавших «на земле» чекистов, но не было услышано в Москве.

«Монголоеды» и «буддологи» Восточного отдела были вынуждены во многом опираться на хорошо зарекомендовавшие себя в других «нерусских» регионах (Волго-Урал, Туркестан) конструкты, описывая происходившие социально-политические процессы по принципу аналогии. Производной дефицита полных и объективных сведений и подобного аналитического подхода становится развернувшаяся в 1920-е годы борьба с «восточной национально-религиозной контрреволюцией», которая к началу 1930-х годов приобрела форму репрессий в отношении наиболее активных лидеров (прежде всего, лам), обвинявшихся в шпионаже в пользу Японии и «панмонголизме».

Ведя борьбу с буддизмом, ОГПУ во многом копировало опыт борьбы с православием и исламом в СССР. Курс на раскол и репрессии получил трагическую апробацию среди ламства Бурят-Монголии, а затем был распространен на Монгольскую Народную Республику со всеми вытекающими из него драматическими последствиями.

V. S. Khristoforov, Y. N. Guseva

Mongolian-buddhist subjects in the «eastern» work of soviet security agencies in 1922–1934.

Abstract The article covers the issues of information and analytical work of various divisions of the GPU-OGPU (primarily, the Eastern, Foreign and Information departments) in 1922–1934 in the field of collecting and interpreting information about the situation in Mongolia and neighboring territories (Buryatia, Tuva, etc.). The purpose of the article is to study the process of obtaining and interpreting information by Soviet special services about the socio – political situation in Mongolia and adjacent territories, as well as about the Buddhist spiritual tradition and its influence on Russian-Mongolian relations and the situation in border zones. As a result of studying a significant number of published and unpublished sources of departmental archives, it is concluded that the Soviet secret services had serious problems with building a unified system for collecting information, including due to the lack of personnel and the relative insignificance of this area of work. The «Mongol scholars» of the Eastern Department were forced to rely largely on constructs that were well-established in other «non-Russian» regions (the Volga-Ural, Turkestan), describing the socio-political processes that took place on the principle of analogy. The lack of complete and objective information and such an analytical approach resulted in the 1920s struggle against the «Eastern national-religious counter-revolution», which by the early 1930s had taken the form of reprisals against the most active leaders (first of all, the lamas), who were accused of spying for Japan and «pan-Mongolism».

Keywords: GPU-OGPU, Eastern Department, Foreign Department, Information Department, Counterintelligence Department, Special Department, Mongol studies, Soviet special services, Mongolia, Lamaism, Buddhist clergy.